

вдовы с сыновьями). Поэтому нам известна только часть женщин, доживших до III ревизии. Например, жена Степана Маркова с. Колесова – Марфа Иванова, указана в III ревизии в возрасте 62 лет (1701 г.р.). Замужние дочери Семена Никонова с. Оконнишникова, умершего в 1754 г. в 104 года (!) указаны в возрасте: 81 год – Парасковья (1682 г.р.), 71 год – Елена (1692 г.р.), 61 год – Марья (1702 г.р.) (РГАДА Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 699. Л. 50 об., 103 об.) А их дети обоего пола, вероятно, должны быть записаны на фамилию мужа.

Брачные связи купцов и родственников по женской линии можно проследить со второй половины XVIII в., используя метрические книги, где помещался соответствующий раздел о браках и записывались родившиеся дети обоего пола.

При определении возраста ряда посадских людей и купцов Вологды также существуют определенные сложности. Уже указывалось, что при сравнении переписной книги 1677/78 гг. и I ревизии, данные о возрасте были различными (Гуслистова А.Н. Торговые люди Вологды: опыт историко-генеалогической характеристики... С. 86). Такая же проблема существует при сравнении информации ревизских сказок и обывательских книг 1787–92 гг. Например, купец I гильдии, городской глава в 1783–1789 гг., Максим Иванов с. Рыбников указан в обывательской книге 1792 г. в возрасте 47 лет (1745 г.р.). А в III ревизии (1763 г.) записано, что ему 25 лет (1738 г.р.), что подтверждают данные II ревизии (ГАВО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 17. Л. 396 об.; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 699. Л. 160; РГАДА Ф. 350. Оп. 2. Д. 689. Л. 121). Расхождение на 7 лет, поэтому точную дату рождения М.И. Рыбникова нужно проверять данными метрических книг. А так как метрические книги Вологды сохранились только с 1756 г., поэтому возраст М.И. Рыбникова можно будет определить по его браку.

В целом источники по генеалогии вологодского гильдейского купечества XVIII в.: ревизские сказки, метрические, окладные и обывательские книги при очевидной разноплановости, разновременности и различных задачах составления при тщательном и скрупулезном сопоставлении имеющейся в них информации могут быть использованы в исследованиях истории фамилии. Информацию, содержащуюся в них, можно унифицировать. Необходимые для генеалогических исследований данные – фамилия, имя, отчество купца, его возраст (дата рождения), состав родственников, социальный статус, были указаны почти во всех упомянутых документах. При этом надо учитывать, что в большинстве случаев эти книги составлялись независимо друг от друга, что позволяет проверять данные одного документа другим, или восполнять недостающие сведения. Например, вполне возможно, что при составлении обывательских и окладных книг использовались ревизские сказки, однако ряд разночтений по возрасту некоторых персонаний, видимо, свидетельствует об обратном.

* Публикация подготовлена в рамках научного проекта РГНФ 15-11-35002 а(р).

М.Ю. Данков (Петрозаводск)

К вопросу о любопытном геральдическом феномене (герб г. Соргавала)

Геральдическая история города Sordwall, основанного шведами в сер. XVII в. на северном берегу Ладожского озера, увлекательна. На протяжении четырех столетий, «мистический» город (название переводится как «власть

чёрта») находился в зоне противоборства Московского царства, а затем Российской империи со Шведским королевством. В XX столетии за него продолжили борьбу Советский Союз и независимая Финляндия. Город менял не только свое имя Sordwall-Сердоболь-Sortavala-Сортавала, но и герб. Еще Тявзинский мирный договор со Шведским королевством в 1595 г. закрепил карельские земли Приладожья за Россией. Однако, пользуясь неразберихой Смутного времени, Корельский уезд в 1611 г. захватили шведы, и по Столбовскому договору эта территория переходит под власть Стокгольма. По примеру Trondhjems län на землях уезда с 1634 по 1721 гг. существовал Кексгольмский лен (Kexholms län). Объединитель шведских земель король Густав II Адольф стремился укрепить стратегическое пространство на востоке и рекомендовал строить новые города в Приладожье. Однако в 1632 г. генерал-губернатор И. Скутте и наместник Г. Спор лишь декларативно объявили об основании городка Sordwall. В реальности центр сформировался при королеве Христине, после инициативы генерал-губернатора Ингерманландии и Кексгольмского лена Э. Гюлленстерна и стараниям П. Брахе, в 1642 и в 1648–1654 гг. возглавлявшего Государственный Совет Швеции. Стокгольм в 1643 г. предоставил городу привлекательные коммерческие привилегии.

В 1651 г. собственником земли Северного Приладожья стал шведский дворянин Густав Банер, получивший наследство от отца, полковнца Й. Банера. Феодальная округа Sordwall, относимая к категории «свободной земли» (fralsejord), была поименована Сордвальским графством. Фамильный герб дворянского рода Банеров лег в основу городской печати и первого герба Sordwall. Эмблема представляла собой геральдический щит красного цвета, увенчанный золотой короной, а в поле щита находились две скрещенные кавалерийские пики, украшенные синими флажками. Ниже были изображены две согнутые в локтях руки с мечом и пикой, напоминающие ключевой элемент шведского герба Карелии. Символика графства и города Sordwall совместила герб Банеров с изображением двух вооруженных рук, отражающих борьбу Шведского королевства с Московским царством. При короле Карле XI, в 1680 г. Сордвальское графство прекратило существование. Ликвидация «автономии», названная «reduktion», увязывалась с возвратом «короне» многочисленных графских владений.

После Северной войны (1700–1721) территория Приладожья, была присоединена к Российской империи. Точных данных о времени переименования Sordwall в Сердоболь, нет, скорее всего, это произошло после Ништадтского мира. Судьба русского Сердоболя на протяжении XVIII в. не была безоблачной. В 1742–1743 гг. город захватили и сожгли шведы. Вскоре в составе Кексгольмской провинции, он вошел в Выборгскую губернию, где сохранялись шведские законы, церковное управление, судебная и налоговая системы, а шведский язык являлся официальным.

26 июля 1760 г. Екатерина II подписала указ о возвращении Сердоболу городского статуса, а в 1784 г. город превратился в центр обширного уезда. Через четыре года, 4 октября 1788 г. императрица по докладу Сената «О гербах городов Рижской, Ревельской и Выборгской губерний и некоторых городов Олонецкого наместничества» подписала закон № 16716 и пожаловала Сердоболу новый герб – «в голубом поле на золотых древках красные знамена, положенные крестообразно». «Городовая эмблема» напоминала прежний герб города, восходивший к геральдической символике рода Банеров.

На закате наполеоновских войн Сердоболь в 1811 г. «влился» в территорию Великого княжества Финляндского. Через два года Комитет по организации Выборгской губернии Российской империи видоизменил герб северного городка, добавив к пикам по ленте. В 1817 г. Александр I вернул первоначальную символику. Позже в гербе Сердоболя вновь оказался элемент старинного герба Карелии, но вместо меча и сабли на красном щите с пиками синего цвета и золотыми флажками оказались меч и стрела. Любопытно, что в середине XIX в. появился более сложный вариант герба г. Сордавала. Его составили при бароне Б.В. фон Кёне, управляющем Гербовым отделением Департамента герольдии Сената. «В лазуревом поле» изображались «два накрест положенные золотые» штандарты, а по бокам их находились две руки «в золотых кольчугах» с мечом и стрелой. Элементами внешней части герба являлись башенная корона «о трех зубцах» и «накрест положенные серебряные кирки».

Новая геральдическая история города связана с независимостью Финляндской республики. Герольдмейстер А. Гранфельт предложил обновленный герб Sortavala с флажками на пиках красного цвета, с белыми треугольниками у древка и золотыми шнурами. Стилистика герб, не нарушила, а подчеркивала изначальную символику герба графов Банеров.

Годы военного лихолетья 1939–1944 гг. не отразились на геральдике города. Современный герб г. Сортавала решением малого городского совета народных депутатов утвержден 28 декабря 1991 г. Через пять лет он был внесен в Государственный геральдический реестр РФ. Эмблема сохранила основные сюжеты исторической геральдики – «картуш с короной», в голубом поле «флаги, положенные крестообразно», а «цвет древков, короны и окантовки картуша золотой».

М.С. Десятков (Москва)

Исследование состава некрополя московского Донского монастыря в трудах XVIII–XX вв.

С последней четверти XVIII в. в России возникает интерес к составу некрополя, который вначале отличал подход к памятнику как к раритету (Богданов А.И., Рубан В.Г. Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга. СПб., 1779. С. 374–446). Изучение состава некрополя как исследовательская проблема оформилась спустя столетие (Сайтов В.И. Петербургский некрополь. М., 1883). Реконструкция исторического некрополя является сложным процессом в виду подвижности его состава. Еще в XIX в. исследователи констатировали использование старых надгробий при строительстве зданий и мощении дорог, спекуляцию со стороны кладбищенских властей, уничтожение кладбищ в целях перестройки городов и т. п. В данном сообщении мы попытаемся суммировать все используемые при реконструкции состава некрополей методы и оценить их возможности.

1) Наиболее распространенным методом изучения состава некрополя является *метод натуральных обследований*, полевых наблюдений. На нем основано большинство публикаций о составе некрополя Донского монастыря. Сравнение опубликованных данных с письменными источниками (ЦХД до 1917 г. Ф. 421. Донской монастырь. Оп. 1–3) показало, что одного натурального обследования кладбища недостаточно. Так, выявленные билеты для погреб-